

Подмосковье. Парадокс Рузы

Автор:

Ольга Баумгертнер

Подмосковье. Парадокс Рузы

Ольга Гартвиновна Баумгертнер

Апокалипсис-СТПодмосковье #2

Есть в Зоне у Рузы практически непроходимая область, полная опасных тварей и гиблых мест. Так и прозвали ее сталкеры – Гиблое озеро. Только одному человеку, одиночке по кличке Немой, удалось вернуться оттуда живым. Да еще и с артефактом, свойство которого может подарить человечеству панацею от всех болезней. Теперь за Немым ведется охота. Многие готовы пойти на все, только бы заполучить бесценные артефакты. Будь то одержимые сталкеры, бандитские группировки или же ученые с благими намерениями.

Ольга Баумгертнер

Подмосковье. Парадокс Рузы

Друзьям и коллегам по перу посвящается.

Совпадение некоторых имен и фамилий персонажей с реальными – не случайно.

Все они существуют в этой реальности или другой.

Глава 1

Санаторий

Лавина псов в одну секунду накрыла Мопса. Захар успел заметить мелькнувшее среди рыже-черных шкур искаженное от боли плоское, как у монгола, лицо парня. В голове пронеслась дурацкая мысль, что Мопса загрызли песики посерьезнее. Ах, чтоб тебя! Сталкер по кличке Лягушатник палил из калаша в клубок из тел, облепивших товарища. Хотя самое лучшее, что можно было сейчас сделать, чтобы выжить самим, – это уносить ноги. Только вот бежать было особо некуда. Узкая балка, в которую они угодили, спасаясь от мутантов, обернулась капканом. На склонах холмов затаились электрические аномалии – не пройти. Неширокое дно оврага тоже не внушало доверия, хрустело серой безжизненной глиняной коркой под подошвами ботинок. А дальше путь и вовсе упирался в ощетинившийся голыми ветвями непролазный осинник.

– Заха, что там?! – крикнул Лягушатник.

Захар бросил последнюю гайку вперед. Патроны у него давно уже кончились, а теперь и запас «маркеров» иссяк. Тускло блеснув на солнце, проглянувшем сквозь серую хмарь, гайка полетела широкой дугой и расплавилась. Стальные капли сдуло куда-то в сторону, вниз, и они крошечными раскаленными метеоритами впечатались в растрескавшееся, просевшее воронкой дно пересохшего ручья. В лицо Захара ударило жаром, дыхание сбилось. Сразу две аномалии на пути – «жаровня» и «комариная плешь»! Сообщить об этом Лягушатнику он не успел. Выстрелы внезапно оборвались. Его напарник с криком «Заха, бежим!» промчался мимо него. Захар запоздало дернулся, чтобы задержать товарища, но рука схватила только раскалившийся воздух. А Лягушатник со вспыхнувшими одеждой и волосами полетел в «гравиконцентрат». Через миг от сталкера осталось только темно-багровое с чернотой пятно – словно сухая кровавая корка легла на землю.

Захар, стиснув зубы, оглянулся на воюющий, рычащий и скулящий ком, сквозь эту какофонию прорывались страшные звуки разрываемой плоти и хруст размалываемых зубами костей. На какое-то мгновение у сталкера возникла уверенность, что и он останется здесь, в этом проклятом логу – или в виде обглоданного скелета, или в виде расплющенного подгорелого блина. Однако ноги уже сами собой несли его прочь. Обострившиеся чувства уводили сталкера

в сторону от аномалий, от загрызших товарища собак. Пот заливал глаза, силы были на исходе. Захар бросил рюкзак и бесполезный пистолет, оставив при себе лишь охотничий нож. Сталкер каким-то чудом проскользнул мимо «жаровни», достиг зарослей. Обходить их и лезть на склоны было опасно – до Захара доносилось едва слышное электрическое потрескивание. И он побежал направо через гущу. Тонкие ветки мертвого осинового леса больно хлестали по лицу. В других обстоятельствах сталкер бы никогда не сунулся в эти заросли. Но в данный момент это казалось единственным выходом. Хотя выходом ли?

Захар в тысячный раз проклял момент, когда он согласился идти к Гиблому озеру. В любое другое место Зоны – всегда пожалуйста. За почти четверть века сталкерства он изучил Русскую Зону вдоль и поперек. Но только не этот участок, который все местные искатели обходили стороной. Сюда мог сунуться только самонадеянный новичок. Или дурак. Вот и они свалили дурака, подписав с Институтом контракт, суливший настолько щедрое вознаграждение, что от него нельзя было отказаться. Раньше Захар всегда осторожничал. Слишком высокая цена – это всегда гарантированный риск. Лучше на что попроще соглашаться – и себе спокойнее, и жена вдовой не останется. Но в этот раз его как черт дернул.

Захар наконец продрался через осины, утыкавшие лог голыми стволами будто трехметровыми иглами, стал забираться на пригорок, на верху которого стояла одинокая высохшая сосна. Поднявшись, оглянулся. Хоть осины и были низки, за ними все равно не получалось разглядеть место, где сталкеров нагнали собаки. Зато дальше, за болотистой низиной, чернела груда ящиков с брошенными искателями институтским оборудованием. А еще дальше, километрах в трех, за еще одним мертвым леском, висела серая непроницаемая дымка, застилавшая небо и землю и скрывавшая цель их экспедиции. Захару стало не по себе при взгляде на эту хмарь. Где-то за ней находилось Гиблое озеро, место, вечно затянутое густым серым туманом. Опасное место. Захар ощущал это даже отсюда. Ему чудилось, что где-то в глубине дымчатой пелены глухо ворчит гром. Однако ни одной вспышки молнии он так и не увидел.

Где-то завывала собака. Это заставило Захара очнуться. Он отвернулся от хмари, поглядел с пригорка на юго-восток, туда, куда ему предстояло идти, чтобы выбраться из самого опасного района Зоны. От взгорка шло русло еще одного пересохшего ручья, пропадающего в болоте среди высоких, выше человеческого роста, камышей. Стебли стояли неестественно прямо, и ни один из сухих листьев не шевелился под дуновением ветра, будто все болото было накрыто невидимым

стеклянным колпаком. Левее, немного в стороне от нужного сталкеру направления, шла цепь небольших увалов с редкими торчащими деревцами. А дальше, примерно в пятистах метрах, темнела заброшенная деревня. И зловещим черным шпилем торчала над домами колокольня сгоревшей давным-давно церкви. До зеленой полосы, где начиналась живая, не выжженная до конца Зоной земля, оставалось километров пять.

– Это если по прямой, – сказал тихо, сквозь зубы сталкер. – А у тебя, Захар, ни единой гайки, чтобы выбраться отсюда. Одна лишь голая интуиция.

Он похлопал себя по многочисленным карманам на брюках и куртке. Нашел, к своему удивлению, несколько десятирублевых монет.

– Тоже сгодится. – Сталкер, почувствовав некоторое облегчение, зашагал вниз с пригорка.

Под ногами вдруг захрустели старые сосновые иголки, точно он шел по раскиданному по земле после ураганного ветра хворосту. Захар запоздало попытался притормозить, но нога уже запнулась о торчавший корень сосны. Сталкер полетел вперед, покатился с пригорка, упал на ладони. Выпущенные из рук десятирублевые монетки запрыгали по земле, как резиновые, и их затащило в очередную гравитационную воронку. А сзади вновь завывали собаки.

Захара придавило к земле, невидимое нечто поволокло его вперед, словно вцепившись в каждую клеточку тела. В лицо снова дохнуло жаром. Под ладонями камни и песок превратились в раскаленные уголья, а пересохшие камыши в одну секунду вспыхнули. Пламя вздыбилось над болотом десятиметровым перевернутым конусом, зашумело, как гигантская газовая горелка.

Район Гиблого озера все-таки не зря так назывался. Такого количества аномалий – затаившихся, неявных – сталкер нигде еще не встречал. «И не встречу, видимо, уже», – обреченно подумал он и закрыл глаза, смирившись с неизбежным. И все же прошептал:

– Отпусти! Отпусти, родная. Не заслужил я такого...

Растрескавшиеся губы мазнули по земле, собрав на себя серую пыль. От раскаленного, потяжелевшего воздуха стало невозможно дышать, словно в легкие налили расплавленного свинца. На покрасневшие веки легли тени.

«Дядя Захар? Как же тебя сюда занесло? Зачем?»

«Сашка?! – изумился мысленно сталкер. – Ты? Живой? Да нет же... Вот и свиделись, Сашка...»

Захар подумал, что, наверное, это логично – на пороге смерти разговаривать с мальчишкой, погибшим четверть века назад неподалеку отсюда. «Что ж, будет с кем пообщаться на том свете. Даже хорошо, что с этим пацаном», – устало подумал сталкер. Где-то в памяти грустным эхом прозвучал голос жены. Она в чем-то упрекала его. Может быть, даже в том, что за столько лет совместной жизни они так и не завели детей, побоявшись последствий влияния Зоны.

– Отпусти. Отпусти! – Захар снова услышал Сашкин голос и потерял сознание.

Веки поднялись тяжело, будто сталкер все еще находился в гравитационной аномалии. Захар увидел чистое голубое небо. Сел с кряхтением. Тело ломило так, как если бы его припечатали кузнечным молотом. Провел ладонью по опухшему лицу.

– Ну, чисто Вий, – прошептал сталкер, потеряв глаза кулаками.

Язык в пересохшем рту еле ворочался. Захар закашлялся. Попытался подняться. Но удалось встать только на четвереньки. Голова кружилась. И только дышалось уже значительно легче. Сталкер тяжело сел на землю и огляделся. То же болото – только с выгоревшим дотла камышом – осталось позади. Заброшенная деревня была теперь ближе, но осталась по левую руку. На земле четко просматривались оставленные искателем следы. Все-таки он выбрался. Полз. Полз, преодолевая себя и обстоятельства.

Захар поднял взгляд. Стая собак, судя по всему, ушла – по крайней мере, сталкер их уже не видел и не слышал. Дальше, на севере, над Зоной, откуда он спешно уносил ноги, висела та же хмарь, но с мрачными багровыми отсветами.

Облака медленно закручивались в спираль, падали дымным водопадом в воронку. А там на дне...

Захар знал, во что они превращались под действием чудовищной гравитации.

Во всем был виноват Немой – это он притащил как-то камушек в бар. Как достал это сокровище, черт его знает. Может, способ знал, а может, подрезал у кого. Но на карте Немой, уверенно ткнув пальцем, показал гравитационное озеро. Точнее, озера в этом месте давно уже не было. Когда-то тут плескалось Рузское водохранилище. А как пришла Зона, вода исчезла. Вокруг появилось огромное количество мощных аномалий, таких и не встретить в других областях Зоны. И к озеру, в общем-то, никто и не совался никогда, если жить хотел.

Однако прозрачный как слеза камень в длинных, цепких, как у хищной птицы, пальцах Немого зажег алчный блеск в глазах охотников за артефактами. Около десятка сталкеров сразу сорвались с места и отправились искать удачу. Никто из них назад не вернулся. И даже после этого кто-то еще ходил в это гиблое место. Захар не считал, сколько их было, тех, кто пожелал найти сокровище. Но их оказалось много.

Кто-то из менее рискованных все-таки нашел необычную аномалию, подтвердив слова Немого, что гравитационное озеро существует. Эти счастливицы смогли вернуться домой. А Немой еще пару раз притаскивал небольшие камушки – прозрачайшие алмазы с застывшими внутри ожившими радугами. Все прочие, кто пытался добраться до редких «ништяков», – сгнули. Ввиду обстоятельств называли эти злополучные артефакты «Слезам Рузы».

Время от времени в сторону озера кто-нибудь да отправлялся испытать удачу. Ходили слухи, что алмазное дно трескается и обломки выкидывает наружу вопреки законам физики. Какого-либо рационального объяснения тому, как камни достались Немому, народ не находил. Несколько раз пытались больше вызнать у самого Немого, но тот молчал и вдаваться в подробности не желал. А спрашивать у него другими способами, по жестче, любому вышло бы дороже всяких алмазов. Даром что некоторые рискнули. Где теперь эти некоторые? Люди умные с Немым предпочитали не связываться. А кто не знал молчаливого сталкера и лез с разборками, пропадал без следа. Среди охотников за артефактами даже шуточка-отговорка мрачная ходила: типа, не доставай, а то с Немым познакомлю.

Захар тоже старался от Немого держаться подальше. И уж тем более не собирался идти на поиски этой проклятой гравитационной аномалии. Но вот в Институте прознали про алмазное озеро. Один из камушков, принесенных Немым, попал в лабораторию.

А дальше «наука» зашевелилась, руководство Института расщедрилось на очень выгодный контракт, и с десятков сталкеров отправились туда вместе с несколькими учеными. Это была всего лишь исследовательская экспедиция с задачей подойти как можно ближе, на безопасное расстояние, если подобное определение вообще уместно в Зоне, установить съемочный кран, поднять камеру и заснять аномалию на видео. Вот и сняли они кино, Нэшнл Джеографик хренов...

На группу напали мутанты, пара ученых от института угодила в «мясорубку», спасаясь бегством, остальные погибли защищаясь.

То ли Немой указал не лучший путь до гравитационной аномалии, умышленно умолчав обо всех остальных опасностях, то ли ранее неизвестных ловушек около пересохшего водохранилища с тех пор прибавилось.

Захар задумчиво потер челюсть. Почудилось, что какой-то зуб шатается. «Нет, – решил сталкер, – вернусь и все-таки спрошу у Немого. За все спрошу. А теперь опять ползти, медленно, осторожно, до тех пор, пока не хватит сил встать».

Захар пришел в себя в палате. В большие окна бил мягкий утренний свет. Сталкер долго лежал, смотрел в высокий потолок, по которому гуляли резные тени от листьев, пытался вспомнить, как он сюда попал и что было до этого. Но голову словно набили ватой.

– Очухался, Захар Викторович? – спросил кто-то с насмешкой.

Искатель приподнялся на локтях в изумлении. Так и есть: Иван Абрамов, местный чудо-врач, разбирающийся в болячках, принесенных сталкерами из Зоны, да и просто отличный хирург со стажем, равным по сроку сталкерству Захара. Доктор заглянул в палату и остановился в дверях.

- С головой все в порядке? А то боялся, что не вытащим тебя.

- В смысле? - хрипло спросил пациент.

- Не помнишь, значит? - Врач прищурился. - Принесли тебя сюда едва живого. Точнее, даже, пожалуй, уже умирающего. Из комы вытащили.

У Захара холодок пробежал по спине. Он знал, что просто так к Ивану не попадают, только с серьезными случаями. Сталкер содрогнулся, осмотрел себя.

- Руки-ноги на месте, не отрезал, - мрачно пошутил хирург. - А вот за мозги боялся. Что стряслось-то, Захар? С тобой руководство Института еще желало поговорить на эту тему. Ждет, когда очнешься.

Захар потер нахмуренный лоб.

- В аномалии попали, ученых понесло туда, куда не надо. Мы решили возвращаться, по пути назад на нас напала дюже здоровая стая псин. Оборудование пришлось бросить. Парни не выбрались... А кто меня сюда притащил-то?

- Не выбрались, значит. - Иван покачал головой. - Тот, кто тебя принес, просил не говорить.

Захар с удивлением поглядел на врача. Тот, скрестив руки на груди, скептически глядел на сталкера, еще сомневаясь в способности того нормально соображать.

- Ну, ну, шевели мозгами. Много народу шастает в район Гиблого озера?

- Немой? - поразился Захар.

Иван кивнул.

- Иногда подбрасывает мне пациентов с Зоны. И всегда с аналогичной просьбой - не любит, чтобы ему должны были.

– Уж я-то должен. – Захар сжал кулаки. – Он по аномалиям недостоверную информацию нам дал! Дал бы точный расклад – не вляпались бы мы в то дерьмо!

Хирург помрачнел.

– Дал он всю информацию, – процедил Иван сквозь зубы, оглянувшись через плечо, зашел в палату и прикрыл за собой дверь. – Только руководство вам не передало. Посчитало, что выведете, несмотря на опасность и даже невозможность прохода в некоторых местах. Я когда узнал, чуть в челюсть не съездил Боровому...

Захар сидел, обалдев от услышанного. А еще его очень заинтересовало, откуда это Абрамов узнал об информации, о которой умолчало руководство Института. Но хирург спешно продолжил, хрустнув суставами:

– Хотелось ему врезать, да. Да потом плюнул – мне мои руки еще в операциях пригодятся, а морду пусть ему кто-нибудь другой начистит, благо, желающих хватает.

Врач смолк, в раздумье потер мочку уха, смутившись из-за своих оправданий перед сталкером, полез куда-то в шкафчик, достал пару мензурок, а из кармана халата извлек бутылек с медицинским спиртом. Начислил себе и Захару по паре капель. Молча выпили.

– Сколько я уже здесь? – спросил сталкер, когда во рту и горле перестал полахать пожар.

– Пятые сутки. Сегодня семнадцатое августа.

Захар задумался, пытаясь восстановить в голове хронологию событий: «В Зоне экспедиция провела два дня, еще день, видимо, ушел на то, чтобы Немой выволок меня оттуда. Неужели все пятнадцать километров тащил? И это если по прямой».

– От блокпоста Старой Рузы он тебя на машине вез, – сказал Иван, явно прочитав вопрос на лице сталкера. – А вот сколько километров он тебя по Зоне пер – не в курсе.

Захар кивнул и спросил:

– Когда домой можно?

– Еще пару дней тебя тут подержу и отпущу, если все будет в порядке. Жена твоя, кстати, приходила. Переживала. Но я ее успокоил, не волнуйся. После обеда придет опять.

Захар вздохнул с облегчением. Ему всегда было страшно говорить жене о злключениях, но по-другому он не мог, ибо доверял ей как никому другому.

Зазвонил мобильный у Ивана. Врач не ответил, но спешно попрощался и ушел. Сталкер еще некоторое время полулежал, прислушиваясь к себе. Но то ли организм находился еще под действием лекарств, то ли Иван его так быстро поставил на ноги, но в теле не ощущалось ничего подозрительного. Захар поднялся с постели, подошел к окну. Окна главного корпуса госпиталя – бывшего санатория имени Герцена – выходили на крутой берег Москвы-реки. Этаж палаты – восьмой или девятый. Верхушки деревьев санаторного парка – чуть ниже уровня окна, поэтому вдаль видно было хорошо: зеленые сосны на холмистых берегах, лента реки, солнце светит. А дальше все серо, размыто, нечетко, какая-то хмарь – будто сталкер глядел через объектив фотоаппарата с коротким фокусом. Там, где еще недавно находились многочисленные поселки, теперь протянулась Зона. И никто толком не знал, где ее граница будет завтра.

– Живем как на вулкане, – пробормотал Захар, его взгляд застыл на хмурой дали. – Хотя нет, сейсмологи и вулканологи благодаря приборам хотя бы могут предупредить о землетрясениях и извержениях, а с Зоной любые прогнозы бесполезны.

Когда произошел последний Выброс, Зона поглотила Рузу, оба ее водохранилища, подползла впритык к Старой Рузе и застыла. Институт, уже имевший опыт эвакуации, спешно вывез оборудование и сотрудников. Обосновался на территории санатория им. Герцена. Перебазировались сюда же и несколько военных подразделений, даром что в округе многие годы до возникновения Зоны находились военные городки. Рядом располагался военный аэропорт. Когда-то тут размещались легендарные «Русские витязи» и «Стрижи», тренировались в небе Подмосковья, выписывали фигуры высшего пилотажа. А теперь аэродром принимал военные транспортные вертолеты и самолеты,

медицинский авиатранспорт. Впрочем, летали они рядом с Зоной с большой осторожностью и с не меньшим мастерством.

Иван продержал Захара в палате два дня, как и обещал. Напоследок сделал экспресс-анализы, ЭКГ и МРТ и, не найдя никаких отклонений, отпустил с чистой совестью. Сталкер вышел из госпитального корпуса. Он настроился нанести визит руководству Института и рассказать обо всем, что произошло с экспедицией.

И разговор предстоял не самый приятный.

Но сначала Захар решил пройтись по крутому берегу, заросшему соснами, поразмышлять. Тропинка увела его на сухой, засыпанный пожелтелой хвоей склон. Искатель присел там на пригорке, прислонившись спиной к шершавому стволу. Пахло нагретой на солнце смолой. Откуда-то приятно потянуло дымком от костра. Узкая, мелкая река неспешно катила свои воды, блестела под солнцем. Для полноты мирной картины не хватало только ребятишек, плескавшихся на мелководье и носящихся по песчаному пляжу, что тянулся вдоль невысокого противоположного берега, да рыбаков. Но ни тех, ни других уже невозможно было встретить у реки – всех давно эвакуировали из окрестных сел. Где-то река протекала через Зону, и теперь в ее водах не водилось ни единой рыбешки, там даже насекомых не было. А водоплавающие птицы облетали реку стороной. Только тихо и тоскливо шуршали пожелтевшие камыши, зачахшие ивы стояли, окунув голые прутья в мертвый поток. Пробы воды ничего не показывали. Но живность явно что-то чувствовала, и люди тоже теперь держались от реки подальше. Захар с тоской подумал: «А ведь я когда-то, кажется, что уже в какой-то другой жизни, катался на кораблике по Москве-реке в столице. Но теперь златоглавая брошена. Во что там превратилась река? Так же безжизненна, пересохла или же теперь полна мутантов?»

Где-то со стороны Зоны шла туча, доносился гром, глухой, ворчащий. А потом там ливануло. Вся Зона вдали скрылась за пеленой дождя. Захар поймал себя на мысли: «Как хорошо, что ни дожди, ни туман из этого проклятого места сюда не заходят».

Через час сталкер пошел назад, так и не придумав, что будет говорить про погибшую экспедицию. Точнее, как он это будет рассказывать.

Иван смотрел на Немого с интересом. Точнее, смотрел с профессиональным интересом. Любо́й сталкер со временем нет-нет да и оказывался в палате у Абрамова. Впрочем, те, кто свои ранения и болячки не воспринимал всерьез, тоже рано или поздно попадали к знаменитому лекарю, но уже в патологоанатомическое отделение Института, где врач скрупулезно изучал причину их смерти. Только один Немой, как заговоренный, никогда еще не становился пациентом не то что Ивана, но и других врачей, попроще. Легендарный сталкер на первый взгляд не производил впечатление сильного человека. Чуть выше среднего роста, с заостренными скулами, покрытыми темной недельной щетиной, худой, а руки – даже через ткань неизменной коричневой толстовки было заметно, какие они тонкие. Однако же Захара из Зоны этот человек на себе приволок, а это о многом говорило. Да и взгляд у него был такой, что о тщедушном телосложении этого мужчины как-то сразу все забывали. Наверное, такой же бывает у изголодавшихся отощавших волков, готовых порвать любого на мелкие клочки. Когда Немой смотрел на Ивана, тому всегда становилось не по себе. Но с Немым только так и можно было общаться – посредством визуального контакта. Сейчас в глазах молчаливого сталкера застыл вопрос.

– Жить будет, спасибо, – сказал Иван и зачем-то добавил: – Хорошего человека спас.

Немой в ответ фыркнул.

– Да-да, знаю, ублюдков ко мне не притаскиваешь, – расшифровал лекарь. – И за это тоже спасибо.

Вроде угрюмый сталкер и не говорил, а через жесты и эмоции, красноречиво написанные на его лице, собеседник все как-то правильно додумывал сам. Немой кивнул и, накинув на голову капюшон своей полинялой толстовки, развернулся, собравшись уходить.

– Постой. Где нашел-то его? – торопливо спросил Абрамов.

Сталкер развернулся, на лице его читалось недоумение.

– Да в курсе я про экспедицию, – пробурчал Иван. – Прямо оттуда и тащил, что ли? Или поближе?

Немой кивнул: поближе, значит.

– И, как обычно, имя спасителя не разглашать?

Сталкер так глянул в ответ, что Ивана передернуло. Хирург кашлянул, чтобы как-то скрыть это невольное движение.

– С остальными что? Не знаешь?

Немой отрицательно мотнул головой, а потом кивнул в ту сторону, куда увезли на реанимационной каталке Захара: мол, у того и спросишь, – и, больше не задерживаясь, зашагал прочь по больничному коридору.

– Понятно. Спрошу потом у Захара, – произнес ему вслед Иван.

Как только сталкер ушел, сразу стало легче. В его присутствии врач всегда ощущал дискомфорт и что-то сродни повышенному давлению, отчего ломило виски и слегка болела голова. И Иван подозревал, что это неспроста. У всех, кто часто бывал в Зоне, происходили какие-то изменения. Чувства обострялись, сталкеры замечали то, на что обычные люди никогда бы не обратили внимания. У Немого эта сверхчувствительность, несомненно, имелась, не зря же он из Зоны всегда возвращался без единой царапины, а в общении превосходно обходился без слов. Ивану даже пришла мысль в голову: а что, если бы он сам тоже молчал и только выражал все эмоциями на лице? Или даже мысленно. Вдруг Немой телепат?

– Сам ты, Ваня, телепат, – обругал себя хирург. – Еще с годик с этим типом пообщаешься и точно мысли научишься читать.

Он развернулся и ушел в отделение реанимации. И вовремя. Следующие пять минут Абрамов с командой вытаскивали сталкера, у которого внезапно перестало биться сердце, с того света. Когда давление и пульс Захара нормализовались и стало понятно, что с ним все в порядке, доктор покинул отделение, ушел в свой кабинет. Жутко хотелось спать, хотя час был еще не поздний. Иван прилег на кушетку, прикрыл глаза. Но в мозгу крутились мысли о прошедшем дне, и еще какая-то неясная тревога не давала отключиться. Выругавшись, Иван сел. Посмотрел на часы, потом, хлопнув себя по коленям,

поднялся, открыл дверь в подсобное помещение, вошел и закрыл замок за собой. Наверное, коллеги хирурга очень бы удивились, увидев обстановку подсобки. На столе стоял компьютер с несколькими мониторами для слежения. Рядом – тумба с сервером и записывающим устройством. Иван надел наушники, пощелкал тумблерами, переключая изображения с камер слежения на мониторах. Потом просмотрел список сделанных за день аудиозаписей. Прослушав последнюю, записанную примерно полтора часа назад, Абрамов аж подскочил в кресле. Скинув халат и на ходу набирая номер на мобильном телефоне, он помчался по коридору к пожарной лестнице, которой никто не пользовался, прыгая через ступени, побежал вниз, а затем к блокпосту на въезде в Институт.

Там хирург сел в джип с тремя военными. Машина, рванув с места, исчезла за поворотом дороги, идущей в сторону Можайского шоссе, а еще через пять минут села на хвост старого «Лендровера». Абрамов напряженно всматривался в преследуемую машину, но разглядеть пассажиров в сгустившихся сумерках уже было невозможно. Фары впереди идущего внедорожника вдруг мигнули и погасли. Водитель военного джипа от неожиданности резко выжал тормоз. Дорога впереди оказалась пуста.

– Куда они свернули, кто видел? – крикнул Абрамов.

Они осторожно проехали вперед, но так и не обнаружили на протянувшейся по обе стороны дороги просеке искомую машину.

– Да что за чертовщина-то? – выругался Иван и, взяв рацию, начал отдавать кому-то приказы.

Прочесывать район Можайского шоссе отправились еще пять машин. Однако поиски результата не дали. «Лендровер» как в воду канул.

В госпиталь Иван вернулся ранним утром. Хирург на минуту заглянул в реанимацию к Захару, а затем, оказавшись в своем кабинете, измученный бессонной ночью, рухнул на кушетку и отключился. Проснувшись около полудня, Абрамов снова скрылся в своей загадочной шпионской подсобке, прослушал новые записи. От последних сделался совсем мрачным и еще полчаса смотрел в одну точку, переваривая услышанное.

– Что ж ты так сплеховал-то? – спросил Иван, обращаясь то ли к себе, то ли к неведомому собеседнику. – Как теперь разобраться во всем?

Он тяжело вздохнул, набрал номер на телефоне.

– Добрый день, Дмитрий Владимирович! Не отвлекаю? У нас тут ЧП. Вам надо приехать. Пора.

Оставив Захара на попечение хирурга, Немой вышел из госпиталя. Сунул руки в карманы мешковатых, защитной окраски брюк. Посмотрел на вечернее небо, глубоко втянул в себя воздух, пропитанный запахом сосен, и направился куда-то по одной из многочисленных асфальтовых дорожек бывшего санатория. В госпиталь он привез Захара на «газике», который ему одолжил скупщик хабара в Старой Рузе. Рюкзак Немому пришлось бросить в Зоне, чтобы дотащить Захара.

Через пару минут Немой подошел к КПП, установленному на въезде на территорию Института. Какой-то военный у будки даже махнул сталкеру рукой. Немой едва заметно кивнул в ответ, замедлил шаг у автостоянки, где оставил «газик». Но потом, передумав уезжать, прошел мимо, направившись в поселок бывшего санатория, там жил медицинский и обслуживающий персонал, военные и сталкеры – все вперемешку.

Асфальтовая дорога, прямая как стрела, вела от КПП через совсем заросший лесопарк. За газонами тут давно уже никто не следил, и трава вымахала по пояс. Деревья смыкались над головой плотным пологом. Если бы не зажегшиеся фонари, тут было бы совсем уже темно. По пути сталкеру встретилось несколько нарядов, несших охрану территории. Кто из военных знал Немого, те предпочитали отворачиваться и делать вид, что не замечают его, а новички пялились на легендарную личность, про которую ходили странные рассказы, больше похожие на страшилки. Пялились ровно до тех пор, пока случайно не натыкались на колющий взгляд Немого, пробирающий, как стакан махом выпитого некачественного самогона. Только оставлял этот взгляд после себя не жар, а какой-то неприятный озноб и такой же мутный, как пойло, осадок в душе. Смотреть на молчаливого сталкера после такого больше никому не хотелось.

Через метров пятьсот дорога вынырнула из леса, повела дальше в глубь поселка. В основном дома светились электрическим светом, но встретилось и

несколько заброшенных. Немой дошел до здания бывшего ДК, где нынче располагалась база местных сталкеров.

Столовая-буфет превратилась в бар, в котором, впрочем, по-прежнему можно было вкусно пообедать. В небольшом концертном зале оборудовали что-то вроде рынка, где торговали всякой всячиной для походов в Зону. Продавали здесь в основном всякую ерунду и ширпотреб для ничего не смыслящих новичков, поток которых не иссякал. Кто-то из них собирался в Зону на поиски артефактов, кто-то на экстремальные экскурсии. Оставив на рынке и в карманах экскурсоводов приличные суммы, новички внезапно сталкивались с проблемой – Зона за забором и Периметр тщательно охранялись военными. А те выпускать в Зону кого попало не собирались. Мошенники, довозя своих клиентов до закрытого КПП Старой Рузы, делали печальные лица, говорили, что ничего не поделают, и в качестве компенсации уговаривали сделать фотосессию якобы в Зоне. В итоге новички уезжали ни с чем, продолжая, впрочем, распространять миф о том, что в Зону можно спокойно сходить как на прогулку.

Заправлял всем этим «бизнесом» старый сталкер, лишившийся одной ноги, с незамысловатой кличкой Одноногий. Впрочем, он занимался делами и посерьезнее. И тех, кто мог платить большие деньги, действительно переправлял в Зону. В ДК Одноногий также держал гостиницу для приезжих сталкеров, а одну из комнат всегда оставлял для Немого, хоть тот не так часто объявлялся в поселке. Но зато только этот хмурый молчаливый искатель приносил Одноногому особенные артефакты, которые можно было выгодно перепродать, или ходил в Зону за «ништяками» на заказ, никогда не подводя старика.

Вечером в баре обычно было многолюдно, но в этот раз в зале находилось от силы человек десять. Немой прошел к стойке, занял одно из свободных мест. Много лет тут работал бармен по прозвищу Хруст. Когда-то кличка его была более длинной – Хрусталь, за привычку того протирать до блеска стаканы. Но очень быстро от прозвища осталась половина – за другую привычку бармена: он любил похрустывать чаевыми. Бармен, увидев сталкера, поставил стакан и налил двойную порцию «Джека Дэниелса». Немой опрокинул в себя выпивку, сделал знак «повторить», достал из заднего кармана пачку сигарет. Хруст кивнул, наливая, и тут же быстро прошептал, показывая глазами куда-то в сторону.

– Тебе Одноногий клиентов нашел. Ждут там.

Немой потер задумчиво щетину на щеке. Чуть обернулся, разглядывая стакан с новой порцией дешевого виски, а заодно окинул взглядом потенциальных заказчиков. Передумав закуривать, сталкер убрал пачку с сигаретами обратно в карман и уперся потяжелевшим взглядом в бармена. Тот дернулся и отодвинулся от Немого.

– Я не в курсе, кто это, разбирайся сам с Одноногим, – оправдываясь, пробурчал Хруст и, оставив перед сталкером початую бутылку, точно откуп, ретировался, отойдя к другому клиенту.

Немой на этот раз сам налил себе в стакан и направился, прихватив бутылку с собой, к самому дальнему, отделенному от остальных перегородкой, «приватному» столику, из-за которого за ним наблюдали трое здоровых мужиков в камуфляже. На шее незнакомцев висели золотые цепи. На руках пестрели наколки. К ремням были пристегнуты ножи из «дамасской» стали – отличительный знак одной из бандитских группировок. «Еще бы на лбу себе написали – мы из можайской банды, – хмыкнул про себя Немой. Пушки их лежали в спортивной сумке у ног. Это Немой почувствовал, не увидел. – Не побоялись же сюда сунуться с оружием, да и вообще сунуться. Тут же все под контролем военных, да и военная база рядом. Случись что, непрошенных гостей тут в пять минут раскатают. Но эти все-таки приперлись, несмотря на риск. И оружие как-то протащили. Хотя понятно как. Одноногий поспособствовал. Совсем страх потерял».

Сталкеру махнули рукой на свободную лавку напротив, но он остался стоять.

– Ты Немой? – начал разговор один из бандитов, придирчиво его оглядывая. – Что-то не тянешь ты на крутого сталкера.

Немой лениво оглядел бар, всем видом показывая, что происходящее становится ему все менее интересным. Бандиты переглянулись.

– Черт, он реально немой, пацаны! Как с ним разговаривать-то?

Один из заказчиков прокашлялся.

– Короче. Есть дело. Кивнешь, берешься или нет, иначе...

И тут он наткнулся на прямой холодный взгляд Немого. В позвоночник, в области шеи, словно иглы воткнули, отчего бандит удивленно заморгал, на какое-то мгновение перестав ощущать собственное тело. Стушевался, потирая занемевшую шею.

– Короче... – уже не так уверенно пробормотал он. – Тут ходили слухи, что ты какие-то крутые стекляшки с Зоны притащил. Точнее, что только ты их можешь таскать. Босс хочет, чтобы ты ему их приносил. Или чтобы нас научил, где и как их брать, иначе...

Немой поставил стакан и бутылку на стол, навис над бандитом, не отводя тяжелого взгляда. В мозгу у «смельчака» явственно прозвучал вопрос: «Иначе что?»

– Хана тебе, – выдохнул испуганно бандит, отшатнувшись.

Сталкер медленно отодвинулся, пригубил из стакана, глядя на компанию так, как если бы решал: прихлопнуть таракана или все же не мараться?

– Соглашайся. А то тут за тобой еще одни охотятся. С ними хуже будет! – словно оправдываясь, зачастил бандит. – Они тебя на цепь, как собаку, посадят. Жрать давать не будут. Будешь рабом. А у нас...

Он снова наткнулся на взгляд сталкера и умолк. Немой, задумавшись, смотрел на бандитов сверху вниз, потом полез за пазуху. Вся троица дернулась, опустив руки под стол, потянувшись к сумке со стволами, но сталкер уже невозмутимо извлек блокнот и ручку и, что-то чиркнув там, положил на стол. Бандиты глянули на записку.

– Платить сколько будем? – озвучил вопрос один из них.

Главный усмехнулся, вновь осмелев:

– Одного процента тебе хватит. Плюс получишь от босса крышу. Супервыгодное предложение!

Немой будто повеселел, показал большой палец вверх и написал в блокноте: «Поехали к боссу». Бандиты заулыбались, засобирались, бросили на стол для бармена хорошие чаевые. На стоянке около ДК сели в выдавший виды «Лендровер» с московскими номерами – один за руль и двое на заднем сиденье, усадив между собой Немого.

Внедорожник выехал из поселка через второй КПП, рванул по ночной дороге, то подскакивая на ухабах, то ухаюя в ямы. Темными высокими стенами по обеим сторонам стоял еловый лес.

– На Можайку обратно выворачивай! – приказал главный переговорщик.

В свете фар мелькнуло несколько указателей: «Аэродром», «Чапаевка», – а указатель на Можайское шоссе так и не появился.

– Твою ж мать, – ругнулся сквозь зубы водитель, вглядываясь в ночную темень, лежащую за границами фар. – Этот поворот пять минут назад проезжали!

– Не пори чушь! И навигатор достань!

– Там аккумулятор сдох...

– Дебил! – Главный полез во внутренний карман жилетки доставать свой.

– Да я дорогу знаю, сто раз тут ездил!

– А чего скулишь тогда, раз ездил? Вон вроде указатель!

В свете фар ярко сверкнул светоотражателем свалившийся со столба щит с надписью «Руза – 3 км». Следом замелькали покосившиеся столбики дорожной разметки, наклоненные в одну сторону, причем чем дальше, тем ниже, – точно кто-то свалил расставленные кости домино. Выплыл черный овраг, на противоположном склоне которого лежало зеленое пятно расплющенного армейского грузовика. Завизжали тормоза, но поздно – внедорожник уже тащило в сторону гравитационной аномалии. Бандиты ломались в заклинившие двери, орали, истошно матерясь, и только Немой равнодушно, будто смирившись с неизбежным, смотрел на приближающийся провал, вцепившись тонкими

длинными пальцами в кожаную обшивку.

Захар поднялся на второй этаж административного здания. Секретарша взглянула на сталкера и тут же нажала кнопку переговорного устройства.

– Захар Зарубин пришел, – сообщила она. – Да, сейчас приглашу.

Отключилась, посмотрела с сочувствием на посетителя.

– Шеф ждет, заходите, – и шепнула: – Всю неделю не в духе.

Захар кивнул и с тяжелым чувством толкнул дверь. Кабинет директора Института тонул в полутьме. Все окна закрывали плотные жалюзи, лишь местами тонкими стрелами пробивались солнечные лучи, пропарывая густой от сигаретного дыма воздух. У Захара запершило в горле, но он подавил кашель, уставившись на голубоватое в свете экрана ноутбука лицо Борового.

– Проходи, проходи, Захар, – приглашение директора прозвучало почти издевательски. – Ну хоть кто-то сможет мне наконец поведать, что случилось! И почему оборудование стоимостью в несколько миллионов брошено черт-те где!

– Максим Денисович...

Лицо Борового побагровело, сделавшись совсем уж замогильно-фиолетовым. Он с размаху, злясь, стукнул кулаком по столу.

– Ты же бывший военный, Захар! Отвечай быстро и четко! Что, мать твою, произошло?!

Захар все-таки закашлялся от дыма. Боровой готов был вновь взорваться, но сталкер, собравшись, заговорил, как его и просили. «Наверное, оформить события как рапорт – так действительно будет легче», – подумал он.

– Экспедиция прибыла на предпоследнюю точку маршрута, на которой мы должны были остановиться и еще раз изучить местность. Старшие научные сотрудники Белов и Кравченко не отреагировали на предупреждения и отошли

от стоянки. Их попытался остановить сталкер Рябой, но... Все трое угодили в аномалию, известную вам как «мясорубка». Ввиду обстоятельств и того, что никто не умел обращаться с имевшимся оборудованием, оставшимися членами экспедиции было принято решение возвращаться. Так как никакая связь в районе Гиблого озера не действовала, сообщить о случившемся не было возможности. На обратном пути отряд подвергся нападению огромной стаи псов-мутантов. Из-за того, что члены отряда были задействованы как носильщики и отсутствовали данные о нахождении на маршруте стай псов, в экспедицию был взят минимальный оружейный запас, очень быстро израсходованный. В итоге... Все погибли.

– Только ты что-то жив-живехонек, Захар! – Директор буравил сталкера взглядом. – Откуда я знаю, может быть, ты все это только что придумал, а? Может, в действительности сговорился с какой бандой? Они всех положили, а за оборудование тебе заплатили неплохо?

Захар от абсурдности такого предположения даже растерялся.

– Да зачем бандитам научное оборудование и камеры все эти? – невольно вырвалось у него.

– Ах, святая простота! Все это миллионы стоит! А тому народцу без разницы, что к рукам прибирать – они что угодно кому угодно перепродать могут.

Захар нахмурился.

– Я говорю вам правду, Максим Денисович.

– А раз правду, вот и вернешь его тогда назад!

– Как?! – опешил сталкер.

– Как – это уже твои проблемы. Хочешь – сам тащи, хочешь – людей на свои кровные нанимай.

Захар остолбенело смотрел на Борового.

– Это невозможно.

– Возможно, возможно. – Боровой бросил ему бумаги. – Это контракт, подписанный тобой. Копия. Оригинал лежит в сейфе для лучшей сохранности. В разделе «Особые случаи» написано, что при утрате, порче или иных случаях, выводящих оборудование из строя, стоимость его полностью выплачивается ответственными лицами – то есть лицами, подписавшими контракт, – в равной доле. А поскольку ты один остался, то оплата ложится полностью на тебя.

Захара накрыло негодование, но он взял себя в руки, просмотрел внимательно контракт.

– Я не подписывал это.

– Подписывал, подписывал. Все подписывали.

– Это подлог документов. – Сталкер оторвал взгляд от бумаг и с непониманием посмотрел на Борового. – Зачем это вам? Вы же понимаете, я не вытаску оборудование в одиночку. Смысл на меня это вешать?

Директор продолжал сверлил искателя взглядом.

– Про подлог – это еще доказать надо, – сказал он зло. – Но ты, Захар, ничего не докажешь. Ты либо притащишь мне оборудование, либо все твое имущество, если оно у тебя вообще есть, будет конфисковано, а сам ты отправишься в места куда менее приятные, чем Зона. А теперь – пошел вон.

Захар, едва сдерживаясь, вышел. Спорить с Боровым сейчас казалось бесполезным. К тому же сталкер действительно не понимал, что происходит. А разобраться в ситуации было необходимо.

Сталкер, стиснув зубы, прошел мимо секретаря, спустился вниз по лестнице. За ним тошнотворным шлейфом тянулся запах табака от прокуренного директорского кабинета. Слово посетителя преследовал призрак Борового. Захар на мгновение закрыл глаза. «Надо домой. Выстирать одежду, принять душ, чтобы смыть с себя пропитавший одежду и волосы отвратительный запах. Да черт с ним, с запахом, сам разговор – будто на меня опрокинули ушат

помоев». Он понимал, что директору Института было плевать, что погибли люди – и сотрудники, и сталкеры, которых он вообще за людей не считал. Его волновало только брошенное в Зоне оборудование. И это оборудование Захар должен был теперь принести назад. Хоть подохнуть, но принести.

Сталкер на какой-то миг засомневался: «А вдруг я действительно подписал контракт, не заметив кабальные условия? Нет, не может быть. Это подлог. Директор хочет упечь меня в тюрьму ни за что. С какой-то своей, непонятной пока целью». У Захара возникло ощущение, что он попал в какие-то лихие девяностые, когда руководители фирм ни во что не ставили своих сотрудников и делали что хотели. Он всегда знал, что Боровой тот еще тип, но эти обязательства по контракту пахли уже настоящим беспределом.

Он вырвался из здания, вдохнул глубоко чистый, пропитанный запахом сосен воздух и остановился, соображая, что делать в сложившейся ситуации: «Бросить квартиру и уехать? Кто знает, что тогда на меня еще повесит Боровой. Жаловаться? Но кому? Начальник безопасности Института – доверенное лицо Борового, ничего не докажешь...»

– Захар? Захар! – окликнул вдруг кто-то.

Сталкер поднял взгляд от асфальтовой, пошедшей трещинами дорожки. С одной из скамеек, протянувшихся вдоль корпуса, поднялся какой-то старик: седые волосы коротко подстрижены, лицо суровое, с острым взглядом, высокий лоб испещрен морщинами, словно его обладатель постоянно хмурится. Одет незнакомец был в черные брюки классического кроя, клетчатую рубашку и вязаный жилет, и это как-то мало сочеталось с его мрачным видом. Захар с недоумением разглядывал старика. Задержался на серых глазах, в которых вдруг проскользнула старая, не ушедшая никуда со временем боль. Узнавание пришло мгновенно.

– Дмитрий Владимирович? – изумленно прошептал Захар. – Вы?! Вы вернулись?

Старик кивнул.

– Я, Захар. Давно не виделись. Да я и не надеялся. Не думал, что вернусь сюда.

Сталкер озадаченно покивал. Проблемы ненадолго отступили. Их место заняли воспоминания, жуткие, неприятные, свидетелями которых когда-то давно оказались эти двое. Дмитрий Владимирович тогда, наверное, поэтому и прервал общение, из-за того что Захар тоже являлся источником этих воспоминаний.

Дмитрий Владимирович достал очки, нацепил на чуть горбатую переносицу, оглядел Захара более основательно. На лице старика отразилось недоумение.

- Ты подался в сталкеры? А как же военная карьера, Захар?

- Не сложилось, Дмитрий Владимирович. Как руководство поменялось у нас, все как-то пошло вкривь и вкось. Может быть, вы даже слышали - про приказ задержанных расстрелять без разбирательства. Для тогдашнего руководства что бандиты, что сталкеры - едино было - не люди. Я тогда отказался. Надо было выяснить, кто преступник, а кто честный человек. Ну и уволили из армии. Потом уже разобрались. Руководство сменили. Только поздно уже.

- А назад не взяли?

- Да я бы уже и сам не пошел, - с неохотой отозвался Захар. - Думал одно время уехать, да девушка у меня тут была, жена теперь. Медсестрой работает в госпитале.

- Дети есть? - спросил старик, а потом, молча укорив себя за бестактный вопрос, быстро проговорил: - Прости, глупость сморозил.

- Нет детей, - покачал головой Захар. - После того, что мы с вами повидали и пережили, Дмитрий Владимирович. Столько лет прошло, а все как вчера. Простите, вам больно вспоминать.

- Больно, но куда от этого не денешься, Захар. - Старик покивал головой. - Ты знаешь, не отпускало это меня, стало превращаться в кошмар. Я и лекарства всякие перепробовал, и смену обстановки, и даже гипноз. Нет. Как вросло. Я так подумал: раз от этого не уйти, не убежать, то буду изучать детей Зоны. Тяжелая это тема, Захар, и, увы, по-прежнему актуальная. Кое-что выяснил. Жаль, что тогда не знал. Может, с такими знаниями и Сашку спасли бы.

Они замолчали. Захар все еще думал, говорить старику, что слышал он на пороге смерти голос его Сашки, или не говорить. И так уже все сердце у того изрешечено было ранами.

– Что задумался? – Старик что-то почувствовал, в серых глазах его зажегся прежний пытливый огонек ученого.

– Да чуть не погиб на днях в Зоне, – негромко отозвался Захар. – В бреду мне даже Сашкин голос померещился, звал меня... Простите, Дмитрий Владимирович.

Огонек потух во взгляде старика, глаза затянуло серой пеленой. Он отвернулся от собеседника, будто смотрел куда-то на известное только им обоим место Зоны.

– Ты меня тоже прости, Захар, – внезапно заговорил он. – О живых надо беспокоиться. Что случилось-то у тебя? Рассказывай.

Они присели на дальней скамейке. Захар рассказал о своих злоключениях. Поведал и про артефакт «Слезы Рузы», и про экспедицию, и про то, как едва выжил, как его выходил Иван. Старик внимательно слушал, задумчиво кивал. Иногда вставлял короткие комментарии.

– Ваня, значит, теперь тут главврач и знаменитый хирург? Кто бы мог подумать! – Он улыбнулся. – А ведь когда-то был под моим началом, совсем «зеленый», только что с мединститута! А теперь выходит, что мы с ним довольно близкими темами занимаемся – изучаем влияние Зоны на человеческий организм. Встретимся, будет с ним о чем поговорить! Обменяться опытом.

Сказал, а у самого на последних словах чуть насмешливые искры в глазах засверкали. Но Захар не заметил этого, продолжил говорить. И когда рассказал про подлог и обязательства, которые на него повесил руководитель Института Боровой, старый ученый вновь помрачнел и глубоко призадумался.

– Решим этот вопрос, Захар. Благо я обзавелся надежными связями, без них сейчас, увы, никуда. Руководство Института такого произвола не потерпит.

Сталкер с сомнением поглядел на старика. Тот прокашлялся, явно готовясь сделать признание.

– Я же теперь профессор, – сказал Дмитрий Владимирович и, посмеявшись, добавил: – Написал кучу умных книжек. И до второго заместителя директора Института дослужился. Меня вон на пенсию с почетом собрались отправлять. А я попросил сюда перевод сделать. Так что Борового вашего, да и нашего, в общем-то, настигла карма.

Захар в изумлении уставился на профессора.

– Вы не шутите? Борового уволили?

– Нет, мы же не знали, что он тут творил. Перевели его на другую должность. Но теперь с нее он очень быстро слетит пинком под зад. Правда, отчеты он всегда красивые слал, есть в изучении Зоны большое продвижение благодаря ему.

Дмитрий Владимирович задумчиво замолчал.

– Да он только благодаря нам, сталкерам, и мог что-то изучать! – возмутился Захар. – Ни одного ученого до этой проклятой экспедиции «в поле» не посылал, только нас использовал. И ни в грош не ставил. Деньги платил, конечно, неплохие, врать не буду. Но отношение к сталкерам у него – как к преступникам, как к изгоям общества... Попадают, естественно, и среди нашего брата мутные типы. Ну и приезжие – обычно шальные ребята, так они тут и не задерживаются. Но большинство искателей – местные, они в Герцена годами живут, – нормальные парни со сложной судьбой, у нас почти братство.

– Это хорошо, Захар. В других местах по-иному. Там есть люди, готовые ради хабара горло перерезать так называемому собрату.

– Так это бандиты уже, – оскорбился сталкер.

Дмитрий Владимирович посмотрел на него, невольно улыбнулся. Подумал о том, что и по характеру за столько-то лет младший сержант Зарубин несколько не изменился. Хотя ему за сорок уже было, а в душе он оставался все тем же восемнадцатилетним мальчишкой, таким же простым, открытым и добрым.

Добрый, несмотря на то что, вероятно, сотни раз рисковал жизнью, выходя в Зону, терпел унижения от начальства Института. Почти четверть века они не виделись. По ощущениям же – как вчера только расстались. Крепко их судьба связала.

– Что ж, Захар, давай еще немного посидим, расскажи, что тут происходит, какие люди живут? Что еще творится? А завтра с утра я уже делами буду заниматься. Про оборудование – забудь. Никто не имел права с тобой подобный договор составлять. Оборудование застраховано. Вот только Боровой все равно боялся, что ему потеря больно аукнется. Не зря, наверное, за свое место переживал.

Захар снова заговорил, посвящая профессора в нюансы местной жизни и происшествия. Дмитрий Владимирович чуть рассеянно слушал сталкера. Встреча с бывшим младшим сержантом пробудила старые воспоминания. В душе прошлые переживания поднялись мутным облаком, словно кто-то взбаламутил ил на дне озера, накапливаемый там много лет. У ученого даже сил не было подняться со скамьи и уйти, поэтому он и попросил Захара поведать местные новости. Старика действительно отправляли на пенсию. Но вот только Дмитрий Владимирович понимал, что пенсия для него – это верная смерть. Смерть от воспоминаний и горя, от которых он мог сбежать, только погрузившись с головой в работу. К счастью, здоровье позволяло, да и желание трудиться ради науки никуда не исчезло.

Когда-то ему, тридцатипятилетнему ученому, Зона представлялась сложной загадкой. Он почему-то не воспринимал ее как угрозу, хотя горя она принесла многим семьям предостаточно. Так он думал, пока беда не коснулось его самого.

В какой-то момент Захару показалось, что Дмитрий Владимирович задремал. И немудрено – вывалил на старика столько новостей. Небо над ними зарозовело от заката. На востоке проявились первые звезды. Сколько он говорил? Часа три? Четыре?

– Разберемся, разберемся, Захар, – отозвался профессор, встрепенувшись, и повторил: – Сегодня отдохну с дороги – и завтра с утра к Боровому. Ты где живешь-то?

– Тут, в санаторном поселке. Большинство гражданских, которые вопреки эвакуации оставались, сами потом разъехались. Теперь в Герцена – работники Института, военные и сталкеры. Домов пустых много осталось. Мы с женой целый подъезд заняли. Как помещики, можно сказать. А раньше в однушке ютились. Дом девятнадцать, около футбольного поля. Первый подъезд.

– Хорошо, если что – найду тебя там. А я в институтскую гостиницу сейчас направляюсь. Вещи там уже.

Дмитрий Владимирович поднялся со скамейки. Они обменялись рукопожатиями. Профессор, заложив руки за спину, неторопливо направился к зданию гостиницы, высившемуся сразу за корпусом администрации. Шел, хмурил лоб. Как ни старался он прислушиваться к рассказу Захара, а старые воспоминания все равно притягивались как магнитом, занимали все мысли.

Глава 2

Руза

По зданию Рузского филиала Института разносился вой тревоги. Сотрудники лабораторий спешно забрасывали ящики с образцами в тележки, бегом катили их по коридорам Института, спускались на лифте в подвальный этаж, где располагался гараж. Там военные принимали груз, перекладывали в грузовики. На учениях процедура была идеально отработана. Сейчас, когда в Институте объявили настоящую тревогу, дело продвигалось еще быстрее, когда все осознали реально наступившую опасность.

Директор уходил одним из последних, точно он был капитаном тонущего судна. Шел торопливо по коридору, заглядывая в лабораторные комнаты и подгоняя запоздавших сотрудников. Он прошел мимо секретарской, но тут же вернулся. Около стола стоял его помощник и, приложив к уху трубку, нервно набирал номер на аппарате. У его ног валялись папки с разлетевшимися во все стороны бумагами и печатная машинка.

– Дмитрий! Ну что же вы?! – крикнул своему помощнику директор. – Уходить надо! Бросьте трубку! Живее!

– Я дозвониться до жены должен, – задеревеневшими губами проговорил старший научный сотрудник.

– Связи нет! И, видимо, не будет уже! Да придите же в себя! Эвакуируют всех, не переживайте.

– Так Маша в роддоме уже, как ее повезут-то?

Ноги у Дмитрия подкосились, и он рухнул в секретарское кресло. По спине тек холодный пот, а к горлу подступала тошнота.

– Так, так, голубчик, только не расклеивайтесь. – Директор торопливо подошел к нему, взял под локоть, поднял и повлек за собой. – Все хорошо с женой вашей будет. Она ведь в Одинцове, верно? Там все в порядке.

– В Рузе она, – выдавил из себя Дмитрий, едва поспевая за начальником – ноги от стресса сделались совсем ватные.

– Как?! – всплеснул руками директор. – Я же вам рекомендовал знакомого акушера, денег готов был одолжить, если вам дорого окажется. Как же так?!

У Дмитрия пол стал уходить из-под ног. Ему в какой-то момент захотелось накричать на своего начальника, сказать, что тот не понимал, что никому и никогда Дмитрий не хотел быть должен. Но в следующий миг молодой ученый упрекал себя за малодушие.

– Профессор, Николай Петрович, что же делать? – спросил он беспомощно. – Зона уже там. Запоздали там с эвакуацией.

– Сейчас что-нибудь придумаем, Дмитрий. Знакомого старшину спрошу, только давайте спускаться вниз, в гараж.

Где-то что-то протяжно взвыло, по зданию пошел странный гул, как будто разом ударили во все бетонные стены. Пол мелко завибрировал. В коридоре повисла

мелкая взвесь от отвалившейся местами штукатурки. Ученые, закашлявшись, зашли в лифт.

– Ох, только бы не аномалия какая-нибудь, – прошептал директор, когда за ними закрылись створки кабины.

– По лестнице бы лучше, – пугливо заметил Дмитрий. – Застрять можем.

– Не с моим коленом. Приходится нарушать иногда правила безопасности. Ну а коли застрянем, нас кто-нибудь да вытащит.

В гараже царила суматоха. В углу полыхал пламенем один из грузовиков. Его пытались залить пеной из огнетушителей, пока кто-то из сотрудников лаборатории не крикнул, что это аномалия и все бесполезно. Остальные грузовики с оглушительным ворчанием уже вырывались из бетонной клетки гаража. Помещение наполнилось выхлопными газами. Дмитрий закрыл нос платком, когда от отсутствия свежего воздуха к горлу вновь подкатила тошнота. Директор между тем о чем-то говорил со знакомым военным.

– Дмитрий, тут старшина нашел добровольцев! Поедут в Рузу. Сержант Захар Зарубин и его отделение.

Ученый глянул на группу военных. Семеро молодых пацанов, наверное, и двадцати никому из них еще не стукнуло.

– Да нет, вы что! Это ж мальчишки совсем! – вырвалось у Дмитрия.

– Мы готовы помочь, зря вы так! – оскорбился сержант.

– Тут сталкеры нужны. Они знают Зону, как в ней ходить, – возразил молодой ученый. – Посылать солдат одних – верная смерть.

– Эвакуация гражданского населения – дело военных. Но сталкер у меня один имеется в запасе. – Старшина махнул кому-то рукой. – Бродяга, иди сюда!

К ним подошел человек в военном камуфляже, седой, хотя не старый еще совсем. Может, лет сорока пяти – пятидесяти. Дмитрий его несколько раз видел.

Тот приносил в Институт какие-то артефакты из Зоны. Старшина коротко объяснил ситуацию. Бродяга обвел помрачневшим взглядом молодых солдат, поглядел не менее безнадежно на Дмитрия.

- На твоей совести это будет, старшина, не на моей, - негромко сказал он.

- Ну уж я со своей совестью как-нибудь разберусь. Проведешь?

- Проведу. Пошли.

Сержант Зарубин, глянув на старшину, двинулся со своим отделением вслед за сталкером.

- Дмитрий! - Директор вцепился в рукав лабораторного халата своего помощника. - Вы не должны туда идти. Ребята справятся.

- Нет, я сам пойду, Николай Петрович! - Молодой ученый рассердился, разобрал не то что бы обман в голосе директора, но что-то такое, с чем соглашаться было нельзя. - Никогда себе не прощу, что другие будут рисковать из-за меня, когда я сам останусь в стороне. Пустите!

Он вырвался и поспешил за отрядом.

По шоссе за их спинами проносились грузовики. Справа высилось шестиэтажное здание Института, построенного не так давно под Рузой, всего в семнадцати километрах от границы Зоны. Со стороны Зоны напознала какая-то хмарь, воздух то тут, то там передергивался от марева. Земля гудела. От этого непонятного, пугающего гула хотелось бежать прочь. Но Бродяга уверенно вел отряд в сторону Рузы по краю молодого леса. Солдаты испуганно озирались, но потом, глянув на своего сержанта, поджавшего губы и идущего почти след в след за проводником, взяли с него пример. Дмитрий замыкал.

Сталкер вел группу вперед одним ему известным способом. Иногда сворачивал с нужного направления в сторону, хотя вроде бы можно было идти напрямик и никакой угрозы не наблюдалось. В такие моменты Дмитрию очень хотелось поторопить проводника, чтобы тот срезал путь и шли они быстрее. Но сдерживал себя, понимая, что Бродяга делает все возможное, чтобы не

рисковать зря жизнями людей. Пару раз они останавливались. Сталкер, оставив их одних, уходил в сторону, изучая путь, потом возвращался, и они шли дальше.

Где-то в воздухе потрескивало электричество. Зеленые молнии били прямо из земли. Почва в этом месте высыхала, растрескивалась, трава сгорала и осыпалась мелким серым пеплом. Солдаты глядели на это явление, как на диковинку, до тех пор пока в молнии не угодила шарахнувшаяся от них птица. На землю посыпался такой же серый пепел.

- Это же какое-то тут напряжение, товарищ сержант? - спросил кто-то.

- В Институте замеров в подобных аномалиях сделать не смогли, - ответил за Захара Бродяга. - Только несколько человек угробили. Так что от молний надо держаться подальше. А еще они имеют обыкновение менять свое местонахождение. Сегодня тут, завтра там. Хорошо хоть быстро не перемещаются. Но еще хуже вон то. Я даже рассказывать не буду, что с вами произойдет, если вы в него вляпаетесь.

Бродяга указал куда-то в сторону. По руслу неширокого ручья вместо воды текла какая-то зеленая субстанция, словно кто-то разлил тонну тархунового желе. Масса перла по руслу, пучилась, смахивая в себя с берегов камни и растительность, оставляя за собой бледно-зеленый след. Словно полз огромный слизняк.

- Хотя, - поправился Бродяга, - самые худшие аномалии - те, которых не видно. Тут нужно особое чутье иметь. И сноровку.

- У вас их в достаточном количестве имеется, Бродяга, - заметил Лазарев, чтобы хоть немного приободрить растерявшихся от количества неизвестных опасностей солдат. - Вы ведь один из лучших сталкеров Института.

- Какое там, док, - отмахнулся проводник, но тут же подхватил мысль ученого: - Но точно самый осторожный. В пекло не лезу, себя берегу. Ну и вас, ребята, тоже сберегу. Главное, идите точно за мной. Выберемся.

Два часа пути до Рузы показались вечностью. Но наконец отряд вступил в город, казавшийся вымершим. Где-то вдалеке они видели группки испуганных людей, запоздало покидающих Рузу. На пути попало несколько аномалий, мимо которых Бродяга уверенно провел отряд. На одной из улиц во всю ширину раскинулась «жаровня», старые деревянные дома по обе стороны полыхали пожаром, и группе пришлось делать приличный крюк.

Здание городской больницы выросло неожиданно из-за деревьев и малоэтажных домов. Дмитрий на несколько мгновений остановился. Ему вдруг стало нестерпимо страшно. Он больше всего желал найти жену. И в то же время боялся ее найти.

– Пойдем, док! – позвал его Бродяга. – Время дорого. Зона наступает. Она уже здесь. Но силу еще не набрала. Может быть, успеем унести ноги. Смотрите в оба, ребята. И ты в особенности внимательно за своими гляди, сержант!

Сержант Зарубин кивнул. И они зашли в здание.

Внутри царил хаос. В коридорах валялись опрокинутые каталки, разбитое стекло, пузырьки лекарств. Все выглядело так, точно по зданию прошелся ураган. Парни осторожно шли вперед. В одном из коридоров Бродяга резко остановился. На полу лежало несколько фигур в белых халатах. А во весь проход протянулась порванная, едва видимая серебристая паутина. Дмитрий сделал шаг вперед. Но Бродяга положил ему на плечо свою тяжелую руку, остановил.

– Видишь что-нибудь, док? – спросил он.

– Нет, но, может быть, они живы еще.

– Мертвы. А я, в отличие от вас, вижу ту дрянь, что их убила. Висит, колышется. Еще кого ждет, поди, сволочь!

Солдаты после слов сталкера невольно схватились за автоматы, нервно заозирались, пытаясь разглядеть невидимого врага.

– Пули тут не помогут, ребята. – Проводник покачал головой. – Обойти этот коридор надо. Давайте-ка назад и попробуем пройти этажом выше, а лучше –

двумя.

Они вернулись в больничный холл, поднялись по лестнице на третий этаж и пошли по другому коридору. Электрический свет дрожал, помигивал, но, к счастью, не гас. По обеим сторонам шли двери палат. Было тихо. Бродяга осторожно открыл пару дверей наугад. Везде пусто. Дмитрий надеялся, что всех успели вывезти отсюда. Однако, когда они дошли до отделения интенсивной терапии, откуда-то стали доноситься стоны.

- Черт побери! - выругался тихо Захар и осторожно заглянул в палату. - Там старики лежат!

- Всех не спасем, - как отрезал Бродяга. - Может быть, даже тех, за кем пришли, не сможем вытащить. Ни одной «скорой» не видел во дворе. На чем беременных баб попрешь, сержант? На своем горбу?

Зарубин побелел, но потом взял себя в руки.

- Вертолет реально вызвать сюда, сталкер?

- Нет. - Бродяга ткнул в сторону разбитого окна. - Видишь, где воздух чуть дрожит? Там здоровенная «комариная плешь». От твоего вертолета смятка останется. Слева - «жаровня». А что еще дальше - тебе лучше вообще не знать. Самое безопасное место, где можно будет посадить «птичку», в трех километрах отсюда, если по прямой, а по кривой - все восемь до нее придется идти. Не думаю, что бабы да старики из реанимации способны на такой подвиг. Будем спасать всех - вообще никого не спасем. Времени нет. Чувствую, Зона продолжает наступать, скоро тут жарко будет.

Сталкер указал куда-то на запад. Муть, которая шла со стороны центра Зоны, приблизилась. Словно оттуда надвигался странный грозовой фронт, только не привычно серо-стальной, а желто-багровый, со вспышками зеленых молний. Солдаты несколько мгновений топтались на месте, глядя то на сталкера, то на своего сержанта.

- Док, давай-ка ты веди, я не специалист по больницам, заплутаю, боюсь, в этих коридорах, - сказал Бродяга. - Иди впереди, я сразу за тобой. А сержант пусть замыкает. Идем все друг за другом, в сторону не отходить.

Дмитрий двинулся вперед. Отделение терапии осталось позади. Коридор впереди расходился направо и налево. И было там как-то слишком светло. Они дошли до поворота и остановились. В пяти метрах после поворота направо бетонную стену будто срезало ножом. Всего правого крыла больницы больше не существовало – все было перемолото в цементное крошево.

– Родильное отделение слева. Сохранилось, – выдавил из себя Дмитрий, с трудом оторвав взгляд от жуткой картины.

Еще один пустой коридор, спуск в отделение на один этаж.

Едва они вошли, их оглушили крики и визг, доносившиеся из-за дальней двери. Там кто-то истошно вопил. А вот из ближайшей палаты кто-то надорванным голосом звал на помощь. Бродяга попытался открыть дверь. Та не поддавалась, а крики о помощи с испуганным всхлипыванием смолкли. Вместе с Зарубиным сталкер высадил дверь плечом. В палате обнаружилась забившаяся в угол беременная женщина. Увидев солдат, она разрыдалась от счастья.

– Там ужас что творится! Ужас! Заберите меня отсюда! Там монстры! – Она подскочила к Захару, вцепилась в его руку.

– Сергей, останься с дамой, а мы посмотрим, что там, – приказал сержант.

Один из бойцов кивнул. Остальные пошли дальше. От криков и визга стыла кровь в жилах. Дмитрий очень надеялся, что вот сейчас они дойдут до родильной палаты и никого, кроме перепуганных женщин, не найдут. Захар осторожно, дулом автомата, приоткрыл створку двери со вставками из мутного стекла, и парни заглянули внутрь.

– Вот дерьмо! – выругался сталкер.

Все отшатнулись. Хлопнула закрывшаяся створка. А кого-то из солдат затошнило.

– Маша, там Машка! – закричал Дмитрий и рванулся вперед, хотя волосы у него на голове стояли дыбом.

Створки больно ударили его в плечи, когда он ворвался в палату. Наверное, подобную картину можно было увидеть разве что только в кошмарном сне. Родильное отделение, впрочем, и при других обстоятельствах выглядело так, что туда вряд ли кому-то захотелось бы возвращаться. Мрачные кафельные стены, отвратительный до тошноты запах лекарств. Тут находилось несколько гинекологических кресел, больше напоминавших какие-то средневековые орудия пыток, чем приспособления, предназначенные для появления новых представителей человечества на свет.

В одном из кресел с безжизненно обвисшими руками лежала девушка. То ли мертвая, то ли без сознания. Под ней на полу копошилось нечто со слипшимся от слизи мехом. На втором – от боли и страха вопила другая роженица. Третья истошно визжала, закрыв глаза, впад в истерику. И еще одна рыдающая девушка сидела на шкафу, на который она, видимо, каким-то чудом забралась от ужаса.

- Дима! Димочка! – закричала последняя, узнав мужа.

- Машка, как ты туда забралась? – Молодой ученый изо всех сил старался, чтобы его голос не дрожал. – Осторожно, я тебя сниму.

Доктор залез на стол, протянул руки, подхватил жену под мышки. Рядом уже стоял Захар, помогал спускать девушку. Оказавшись рядом с мужем, та вцепилась в него, уткнулась ему в грудь лицом.

- Что происходит? Что случилось? Куда все врачи подевались? – причитала она.

- Не знаю, родная. Но теперь я рядом, все хорошо. Мы тебя заберем.

- А с остальными что делать? – спросил Бродяга.

Словно в ответ, истерично визжащая женщина вдруг соскочила с кресла и бросилась прочь с обезумевшим взглядом.

- Виктор! Поймай ее, приведи в себя! – крикнул Захар одному из солдат.

Тот бросился за сумасшедшей. Вернулся через пару минут бело-зеленый, как больничная побелка.

- Добежала до конца коридора, - еле выдавил боец из себя. - Прыгнула. Ее там...

Дальше он сказать не смог, уставился в пол. Сержант сжал ему плечо, подошел к сталкеру.

- Это мутанты? - спросил тихо Зарубин у Бродяги, кивнув на копошащееся под креслом существо.

- Обычно такие дети рождаются у сталкеров, кто часто ходит в Зону, - ответил тот и посмотрел выразительно на Дмитрия. - Только вот тут уже Зона. А в Зоне люди не рождаются, док.

Машка, тихо охнув, стала оседать в руках мужа, теряя сознание. Дмитрий спешно хлопал ее по щекам. Захар уже рыскал в шкафу с лекарствами, пытаясь найти нашатырь. У второй роженицы отошли воды. На пол шлепнулся еще один волосатый комок. Женщина смолкла. У Дмитрия волосы шевелились от ужаса на голове. Мир перед глазами на миг потемнел. А потом в нос ударил запах нашатыря.

- Держитесь, товарищ ученый, - произнес Захар, сам едва сдерживая дурноту. - Выбираться отсюда пора. Мы тут носилки нашли.

- Остальных сможем с собой взять?

- Эти две девушки погибли. Ту, из первой палаты, с собой забираем. Она вроде на сохранении тут лежала. Срок рожать не подошел еще.

Солдаты притащили носилки, погрузили туда полубесчувственную от происходящего Машку, накрыли одеялом, свалили на край носилок кучу простыней, набранных по палатам, и понесли свою ношу как можно быстрее и бережнее по коридору. Доктор шел рядом, крепко взяв супругу за руку.

- Доберемся до нормальной больницы, и все будет хорошо, - убеждал он жену.

– Не успеем, Димочка, – прошептала она в ответ. – У меня уже воды отошли, когда все началось, только раскрытие медленно идет. Это все, что успел мне врач сказать.

Они выбрались из больницы, зашагали прочь по улицам Рузы. Сталкер, шедший впереди, время от времени оборачивался, тревожно смотрел на приближение странного грозового фронта.

– Куда мы идем, Бродяга? – поинтересовался Зарубин. – Когда мы уходили из Института, непонятно было, на сколько километров расширилась Зона. Я к тому, в ту ли нам сторону надо?

– Вопрос резонен. Насколько скакнула Зона, и я не знаю. И сколько по ней идти придется – тоже. Но чувствую, что нам точно туда. – Он указал в юго-восточном направлении. – По-другому все равно никак не выяснить. Ногами измерять придется.

– Хорошо, я всего лишь уточнил, – сказал Захар. – Будем знать направление.

Через полчаса, после того как они вышли из Рузы, закричала от схваток жена Дмитрия.

– Что ж, чему быть, того не миновать, – произнес сталкер и замер. – Останавливаемся.

Он посмотрел на сержанта, на солдат.

– Конечно, сержант, вам решать, но я бы посоветовал вам выбираться вместе с девушкой. Имя у нее символичное – Надежда. Может, повезет и пройдете Зону.

– Все так плохо, сталкер? – спросил Захар.

– Я такого никогда не видел, не знаю, что нас ждет.

Он обернулся к надвигающейся буре.

– Лучше уж тогда держать круговую оборону, шансов будет больше.

- Против аномалий – вряд ли, – отозвался сталкер. – Но решайте сами. Я остаюсь.

- Тогда и мы тоже, – сказал Зарубин.

- И я, – робко сказала девушка. – Я тоже со всеми.

- Ну вот, Надежда с нами, уже неплохо, – пошутил проводник. – Прорвемся теперь!

Они осмотрелись в поисках укрытия. Ничего лучше, чем небольшой овражек, по дну которого бежал ручей, они не нашли. Принесли носилки туда. Бродяга тщательно осмотрел место стоянки, убедившись, что никаких аномалий рядом не наблюдается. Да и на расстоянии тоже.

- Так, парни, вам лучше не смотреть! Отойдите, – распорядился он. – И ты, док, тоже. Не стоит. Мне Надя и сержант помогут. Сержант?

- Помогу, – глухо отозвался Захар.

Крики Маши переросли в стоны. Надежда стояла рядом, гладила ей голову и плакала сама от переживаний. Суровый Бродяга на несколько долгих, растянувшихся в вечность минут превратился в заботливую няньку, ласково уговаривающую девушку отмучится побыстрее.

- Ну вот и все, молодец! – сказал наконец сталкер. – Отдохни теперь, поспи.

У Дмитрия все заледенело внутри. Он так и не услышал крика младенца – только учащенное дыхание жены. На плечо ученому легла тяжелая рука Бродяги.

- Сын у тебя, док. На вид все нормально, возьми, не бойся, – и протянул ему маленький сверток.

- Жив? Не кричал ведь, – едва выговорил Дмитрий.

- Ему криков вокруг хватило, решил не шуметь больше, – отшутился Бродяга. – Не переживай, такое бывает, я слышал. Дышит нормально, глаза открыл. Возьми

же.

Лазарев принял сверток, посмотрел на маленькое спокойное, будто только что со сна, лицо, с трепетом коснулся крошечной руки.

– Как твое имя, Бродяга? Можно твоим именем назвать? – взволнованно спросил Дмитрий.

– Александром меня звать, – проворчал сталкер, но явно был польщен.

– Ох, спасибо, дядя Саша, теперь бы выбраться только, – сказал молодой ученый, глядя на приближающуюся муть.

– Не сглазь, док.

Прошло два часа томительного ожидания.

Мальчишка между тем все-таки раскричался. У Дмитрия, несмотря на напряженную обстановку, как гора с плеч свалилась.

– Есть захотел. Дело за женой твоей теперь. Пусть кормит. – Бродяга одобительно кивнул, а сам с тревогой все чаще поглядывал на приближающийся фронт.

Лазарев протянул малыша жене. Но Машка, хоть проснулась уже, сидела теперь с отсутствующим взглядом. Внутри Дмитрия вновь поднялась тревога.

– Маша, Машенька, ты как, родная? Все хорошо?

Девушка рассеянно кивнула.

– С малышом все хорошо, возьми.

– Давайте я помогу. – К ним подошла Надя, взяла орущего младенца, приложила к груди новоиспеченной мамочки.

Та машинально обхватила сверток, прижала к себе. Но все так же смотрела куда-то в пустоту, словно сквозь стену.

– Все хорошо будет, у нее шок еще, – прошептала Надя Дмитрию.

А через час их накрыло штормом. В пыльной красноватой мгле воздух наэлектризовался, подрагивал маревом и вспыхивал зелеными искрами. Волосы у всех стояли дыбом.

– Дядя Саша, – прошептал Захар, подойдя к сталкеру. – А я в книжке читал, еще школьником, что когда волосы наэлектризовываются, вот как сейчас, молния бить будет...

– Типун тебе на язык, сержант.

И в тот же миг гроыхнуло так, что у всех чуть не разорвало барабанные перепонки. Люди инстинктивно бросились на землю, зажали уши. Молнии продолжали лупить где-то совсем близко. Через минуту, показавшуюся вечностью, с начала жуткого светопреставления Бродяга, Захар и Дмитрий отважились высунуться из оврага. Молнии били в расположенное в ста метрах от них озерцо. Камыш сгорел мгновенно. А от воды валил пар, застывающий в воздухе на высоте человеческого роста сахарной ватой.

– Что за чертовщина? Никогда подобного не видел, – проворчал Бродяга, недоуменно пялясь на аномалию.

Молнии начали стихать, а от «ваты» во все стороны стали разрастаться прозрачные кристаллы. С новой силой задул ветер. Молнии били уже где-то далеко, а новую, созданную Зоной аномалию затянуло дымкой. Все трое сползли обратно на дно оврага, с опаской продолжая следить за красным небом. Зарубин приказал солдатам достать сухие пайки из вещмешков и разделить среди всех, дать всем напиться из фляжек. Дмитрий с тревогой смотрел на жену, снова заснувшую вместе с ребенком, на ее измученное, бледное лицо, и ему почудилось, что что-то в ней изменилось.

Небо между тем над ними темнело, наступала ночь. А шторм все еще продолжался. Неистово свистел над головой ветер, в горле першило от пыли, респираторы забились и больше не спасали, слезились глаза. Дмитрий думал,

какой мерзостью они успеют тут надышаться, прежде чем выбраться, и выйдут ли вообще после этого из Зоны.

Зарубин установил дежурства. Но никто из бойцов так и не заснул, разве что коротко подремал. Поспали только девушки. Бродяга, Захар и Дмитрий и вовсе не сомкнули глаз. Но ночь прошла на удивление спокойно, хоть и была полна шума и тревожных звуков, к утру шторм стих. Над головой висело серое низкое небо. Сталкер высунулся из оврага. На том месте, где они видели странную аномалию, теперь не было ничего, лишь воздух подрагивал едва заметным маревом.

- Вот оно как, трансформировалось, - пробормотал Бродяга. - Нет, не обманешь.

Он встал в полный рост, огляделся. Еще вчера вокруг зеленели лес и луг. На лугу теперь и травинки не осталось, одна растрескавшаяся, как в пустыне, земля. На месте леса торчали голые обломанные стволы. И лишь овражек, послуживший людям укрытием, по-прежнему тонкой зеленой полоской рассекал выжженную землю.

- Что ж, двинулись, - сказал Бродяга. - Теперь тут полноправно правит Зона. Всем быть предельно осторожными. И идти за мной след в след! С тропы не сходить!

Он набрал в руку горсть гаек. Первая, мутно блеснув в сером утреннем свете, полетела в восточном направлении. Солдаты понесли носилки с девушками. Дмитрий держал спеленутого сына, бережно прижимая к себе. За доктором, замыкая, двинулся Зарубин.

Проходили часы. Бродяга уверенно вел группу по Зоне. Отряд только ненадолго останавливался, чтобы жена Лазарева могла покормить ребенка. После этого они продолжали путь.

Дмитрий разглядывал раскинувшуюся перед ними землю, и ему казалось, что он переместился в какой-то фантастический фильм или вообще на другую планету. И думал, что на Земле не должно быть таких мест. Зона - это нечто совершенно чужеродное людям.

Работая в Институте и изучая принесенные из Зоны артефакты, их влияние на человеческий организм, молодой ученый испытывал небывалый интерес. Но, может быть, потому что не представлял в полной мере, что такое Зона. Очутившись же за Периметром, Дмитрий ощутил, насколько чужды человеческой логике те вещи, которые приносили в Институт сталкеры. Насколько непонятны и опасны аномалии. И он впервые задумался, что, если Зона продолжит расширяться, опутает своей паутиной планету, человечество не выживет. Или выживет, но при условии, что людям придется мутировать. От этих мыслей его передернуло. Он поглядел на крошечное лицо спящего сына, чуть крепче прижал его к себе, в очередной раз мысленно поблагодарив судьбу, что у него родился нормальный ребенок.

Где-то далеко у протянувшегося по левую сторону от них голого леса тоскливо и зло завывали собаки. Бродяга насторожился, прищуриваясь, поглядел вдаль, но сделал знак отряду продолжать движение. Справа текла Руза. Иногда река проглядывала между холмистых берегов, посверкивая стальным, отражая хмурое серое небо. Пару раз отряд выходил на шоссе. Непривычно было видеть абсолютно пустую дорогу, совсем свежий, недавно обновленный асфальт. Дмитрий еще чувствовал запах гудрона. На обочине им попался небольшой ручной каток. Идти было легко. Но Бродяга скоро вновь увел группу в бездорожье. Теперь они шли лугом. Трава высохла, на ней крупными бусинами висела роса.

Ближе к вечеру на юге, где текла невидимая река, стал подниматься туман. Прорвался серыми клубами меж холмов, потек в их сторону. Проводник заторопил отряд. Они перешли на быстрый шаг, потом на бег. Девушки лежали, вцепившись руками в носилки, с тревогой смотря, как на них надвигается туманная непроницаемая стена. Сталкер махнул рукой на ближайший холм. Они поднялись на вершину, а туман уже затопил все вокруг. Люди остались стоять на крошеном пяточке, посреди серого клубящегося моря. Где-то на западе на миг проглянуло зловещее красное солнце, окрасив все вокруг в багровые тона, и исчезло.

– Ночевать тут придется, – сказал Бродяга. – От тумана держитесь подальше, не нравится он мне. Кто вдруг захочет нужду справить, делать здесь, в туман не уходить. Стыд перебороть можно, а вот смерть – вряд ли.

Дмитрий присел рядом с женой. Ему вдруг жутко захотелось спать. Он осторожно передал малыша и на несколько мгновений прикрыл глаза, ожидая,

пока девушка покормит сына.

Ученый и сам не понял, отчего пробудился. Маша лежала на носилках, зябко кутаясь в одеяло, и смотрела сонными глазами в небо. Дмитрий огляделся, все еще со сна не понимая, где находится. Потом вспомнил.

- Маша, где малыш? - У него все внутри будто оборвалось от ужаса.

- Не знаю, - едва слышно пролепетала жена. - Я ей его отдала, кажется.

- Наде? - спросил Дмитрий, поднимаясь и отыскивая взглядом девушку.

Надежда обнаружилась спящей неподалеку. Малыша рядом с ней не оказалось. Лазарев в накатившей на него панике закрутился на месте. Стоявший в стороне Бродяга обернулся, шагнул к нему.

- Что случилось?

- Малыш? Где мой сын?! - Сердце Дмитрия бешено колотилось.

Сталкер огляделся. Уставился на ученого.

- Где он был?

- Тут, я Маше передал его покормить...

Бродяга присел у носилок с уснувшей Машей, осветил фонариком. Они увидели примятую пожухшую траву, точно что-то ускользнуло по ней в туман. Сталкер не успел опомниться, как Дмитрий выхватил фонарик и бросился во мглу.

- Куда?! - крикнул Бродяга.

Но тот уже сиганул в плотное серое месиво, поглотившее его с головой. Ученый склонился к земле, высвечивая след. Пульс отчаянно стучал в виски, лоб покрылся испариной. Еще через двадцать шагов он увидел сверток с укатившимся по влажной от росы траве младенцем.

– Саша, сынок. – Дмитрий дрожащими руками подобрал сверток.

Малыш тихо захныкал во сне. Лазарев испытал облегчение, но тут же снова напрягся, когда показалось, что в тумане что-то зашевелилось, двинулось к нему. А может быть, это всего лишь разыгралось его воспаленное последними событиями воображение. Но док пулей помчался назад. Вылетел из пелены на совершенно пустынную вершину. К горлу мгновенно подкатила дурнота.

– Дмитрий, тут мы! – раздался за его спиной голос Бродяги.

Лазарев обернулся и с изумлением обнаружил, что находится на вершине соседнего холма, а с первого, метрах в двадцати, ему машут руками темные силуэты сталкера и сержанта.

– Я сейчас к вам приду! – крикнул охрипшим от волнения голосом Дмитрий.

– Нет, оставайся на месте, – отозвался Бродяга. – Иначе потеряешься в тумане.

– Как малыш? – громко спросил Захар.

– Все хорошо, спит, но ведь через часа два-три есть захочет.

– Придется потерпеть до утра.

Дмитрий подумал, что торчать на вершине в одиночестве ему совершенно не хочется, тем более что тут в его распоряжении имелся совсем крошечный пятачок земли, а туман разве что подошвы ног не лизал. Хотя вроде бы и остальные были не так далеко. Дмитрий уже было почти решился нарушить запрет Бродяги. Но тут взглянул на туман, в который вновь собирался ступить, и его продрало морозом. В серых, закручивающихся, будто дышащих клубах ему вдруг померещилось чье-то лицо. Как застывшая хищная маска. То ли человека, то ли мутанта, подстерегающего нерасторопную добычу, чтобы растерзать. Но через миг чуть сильнее задувший ветер снова смешал клубы, и Дмитрий уже больше ничего жуткого не разглядел.

Он вытер пот со лба, чувствуя оставшийся от пригрезившегося морока неприятный осадок внутри, и понял, что никуда отсюда не пойдет. Ни в какой

туман. Он еще долго вглядывался во мглу. Но воображение больше не рисовало никаких чудовищ. Дмитрий чуть успокоился, устроился поудобнее, завернувшись плотнее в куртку и спрятав в ней же младенца. Маленький Сашка действительно проснулся через три часа, расхныкался, но Дмитрий каким-то чудом его укачал. Ближе к рассвету ученого снова стала одолевать дрема, но он до боли кусал себе губы, чтобы не заснуть и не выпустить сверток.

Наконец рассвело. Заговорили на соседнем холме сталкер и солдаты. Туман медленно стекал с пригорков, отступал обратно к реке. Еще через полчаса люди, невыспавшиеся и голодные, шли дальше по влажной от росы земле. Отряд снова выбрался на шоссе. Измученный Дмитрий машинально топал вперед, пока Бродяга вдруг не остановился и не обернулся. На обветренном лице сталкера вдруг отразилась улыбка.

– Что ж вы идете и не замечаете? – спросил он. – Вышли!

Лазарев и военные замотали головами. Перед ними было то же самое узкое, в две полосы, шоссе с новым асфальтом. На обочинах торчали свежеразкрашенные столбики дорожной разметки. За ними – зеленая под ярким утренним светом трава. Грянуло дружное солдатское «Ура!».

А позади, всего метрах в ста, развернулась совершенно иная картина. Как будто цветную фотографию подменили на старую выцветшую. Дорога уводила к брошенной теперь Рузе, вокруг которой лежали побуревшие, как от наступившей внезапно поздней осени, земли. Местами встречались пятна зелени, но Дмитрий не был уверен, та ли это зелень, что сейчас находилась вокруг них.

– Ну спасибо, дядя Саша, вывел, – произнес он, с благодарностью глядя на сталкера.

– Теперь еще километр-два примерно до Старой Рузы, – сообщил тот. – Там и отдохнем уже.

Прошло уже два часа, а Дмитрий все еще не верил, что они выбрались из Зоны. Их трясло по ухабам, «газик» проворно продирался по бездорожью к Звенигородскому шоссе, увозя своих пассажиров из Старой Рузы. Зона

остановилась всего лишь в паре километров от поселка. Знакомый старшина, командир Захара Зарубина, охранял Периметр, командовал эвакуацией людей. Он нашел для семьи Дмитрия и для Надежды, которую они вытащили вместе с Машей из рузского роддома, машину и отправил их в перинатальный центр Института. Надя, прежде державшая себя в руках, теперь все время всхлипывала, вытирая платком опухшие от слез глаза. Маша все так же сидела в прострации, почти не реагировала, когда Дмитрий передавал ей покормить ребенка.

В центре Института, где изучали мутантов, рожденных от сталкеров, Надежду сразу увезли, и с тех пор Дмитрий ее больше никогда не видел. Семью Лазаревых поместили в отдельную палату. Малыша забрали. И Машу тоже скоро куда-то увели. У молодого ученого взяли кровь на анализ. Через три часа томительного ожидания пришел доктор.

– Добрый день, коллега, – врач пожал Дмитрию руку. – У меня для вас две новости. Одна хорошая, другая не очень.

– С малышом что-то? – выдохнул Лазарев.

– Абсолютно здоров. Никаких аномалий не выявлено. Анализы, вес, рост и прочее – все в норме.

Дмитрий некоторое время смотрел на врача с непониманием.

– Это, значит, хорошая новость? Что-то с моей женой?

Врач кивнул.

– Больше всего похоже на послеродовую депрессию. Ну и обстоятельства родов, по вашим рассказам, были жуткие, травмировали ее. С ней психологи сейчас разбираются. В плане физического здоровья у нее все хорошо.

Дмитрий покивал, пристально смотря на врача в нетерпеливом ожидании того, что тот еще скажет.

– Вам нужно набраться терпения. С маленьким ребенком это непросто будет. Няньку нанять или кормилицу.

– Зачем? – спросил Дмитрий с непониманием.

Врач помолчал миг, собираясь с духом.

– Марии дали лекарство успокоительное, чтобы она пришла в себя. Вроде сработало. Но выйдя из заторможенного состояния, она теперь отказывается от ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/baumgertner_ol-ga/podmoskov-e-paradoks-ruzy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)